

ДЕТЕКТИВ НА ВСЕ ВРЕМЕНА

ЧИНГИЗ
АБДУЛЛАЕВ

РАСПАД
Разорванный август

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А13

В оформлении использован фрагмент рисунка
художника *В. Петелина* из серии «Абдуллаев.
Современный русский шпионский роман»

Абдуллаев, Чингиз Акифович.

А13 РАСПАД. Разорванный август / Чингиз Аб-
дуллаев. — Москва : Издательство «Э», 2017. —
352 с. — (Абдуллаев. Детектив на все времена).

ISBN 978-5-699-96803-9

Недолго проработал Эльдар Сафаров инструктором административного отдела компартии при МВД СССР. Бурное время начала 90-х несло молодого выходца из Баку все выше и выше по карьерной лестнице. И вот его уже приглашают работать в администрацию президента СССР. Мог ли знать бывший следователь и успешный юрист, что наступили последние месяцы его служения стране, которую он считал своей родиной? Девяносто первый год катком проедет по нему и миллионам граждан СССР, заставив их задуматься, что же произошло в том августе: великое благо или великое преступление?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Абдуллаев Ч.А., 2017
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2017

ISBN 978-5-699-96803-9

Я считаю, что двадцатый век закончился 19—21 августа 1991 года.

Борис Ельцин.
«Записки Президента»

Самое страшное для политика — это в решающий момент не принимать никаких политических решений.

Али Эфенди

В политике невозможно сохранить даже относительное беспристрастие. Жизнь все равно сделает вас либо консерватором, либо оппозиционером. Поэтому старайтесь оценивать факты без предвзятости. Я знаю много людей, которые рьяно отстаивают то или иное суждение, выдвинутое их партией, и безжалостно осуждают то же самое суждение, если его выдвигает противник. Учтите, что безумие и ненависть никогда не являлись двигателями политики.

Андре Моруа

Что, кроме дела нашего, нас может
К восстанью побудить?

Иль не порукой
Нам скрытность римлян,
что сказали слово
И не отступятся? Какая клятва
Нужна, когда мы честно обязались,
Что это будет или мы падем?»

Уильям Шекспир. «Юлий Цезарь»

Глава 1

Первого июля был понедельник. Утром Эльдара Сафарова вызвал заведующий отделом и предупредил, что в одиннадцать тридцать его примет секретарь ЦК. За десять минут до назначенного времени Эльдар уже находился в приемной. Ждать пришлось недолго — уже через четырнадцать минут его принял Шенин. Он внимательно, словно в первый раз, посмотрел на стоявшего перед ним молодого инструктора и приветливо улыбнулся:

— Садитесь, Сафаров. Говорят, что, работая у нас больше полугода, вы показали себя с самой лучшей стороны.

Эльдар промолчал. В таких случаях возражать глупо, подтверждать мнение начальства — еще глупее, поэтому лучше молчать.

— И с руководством московской милиции вы неплохо разобрались, — продолжал Шенин. — Шилов остался работать ее начальником согласно указу президента страны, а Моссовету и российскому МВД не удалось пробить свою кандидатуру.

— Я считал, что указ президента страны является обязательным для исполнения всеми гражданами нашей страны, — ответил Сафаров.

— Правильно считали. Так и должно быть. Вы же профессиональный юрист, работали в прокуратуре. Я говорил о вас Михаилу Сергеевичу. В его аппарате сейчас особенно нужны толковые юристы. Сегодня в два часа вас будет ждать руководитель его администрации Валерий Иванович Болдин. Если вы им понравитесь, то вполне возможно, что вас в ближайшее время переведут к ним в аппарат. Вы, наверное, знаете, что сейчас они готовят проект Союзного договора, и им очень нужны специалисты с юридическим образованием. Тем более прошедшие такую школу, как вы.

— Я постараюсь оправдать ваше доверие, — пробормотал немного ошеломленный Эльдар.

— Идите, — разрешил Шенин, — и подготовьтесь к беседе. Удачи вам, — неожиданно сказал он на прощание и, поднявшись, подошел к молодому инструктору, протягивая ему руку. — Надеюсь, у вас все сложится хорошо.

— Спасибо, — пожал протянутую руку несколько растерявшийся Эльдар и покинул кабинет.

Он вернулся в свою комнату, которую занимал вместе с Журиным, работающим здесь уже больше десяти лет. Увидев вошедшего коллегу, Михаил Алексеевич хитро подмигнул ему:

— Выдвигают дальше? Молодец, поздравляю.

— Откуда вы знаете? — изумился Эльдар.

— У нас все тайное становится явным, — под-

нял указательный палец Журин. — В отделе уже готовят твои документы. В общем, это здорово. Попасть в наше болото и уже через полгода переехать в Кремль! Если так пойдет дальше, через год ты будешь уже заместителем министра внутренних дел не вашей республики, а всего Союза. Или заместителем генерального прокурора. Сразу получишь государственного советника третьего класса, минуя очередные звания.

Эльдар усмехнулся. Он меньше всего думал о том, что его могут вернуть в прокуратуру или направить в милицию. Неужели его действительно переведут в Кремль, в аппарат президента? Ему ведь только тридцать два года, и он даже еще не женат. Нужно обязательно просмотреть все свои документы и подготовить дела для передачи возможному преемнику.

— И учти, что ты в первую очередь должен понравиться самому Болдину, — напомнил Журин. — Он человек строгий, сухой, вольностей не любит. Всю жизнь работал с документами, поэтому педант и аккуратист. Когда будешь разговаривать с ним, старайся во всем соглашаться, а свое личное мнение держи при себе. Вольнодумцев не любят нигде, особенно в администрации президента. Все понял?

Сафаров кивнул. Конечно, он понимал, как много зависит от разговора с Болдиным, не будет же сам Горбачев беседовать с каждым сотрудником, которого берут на работу в его администрацию.

За полчаса до назначенного времени Эльдар

уже сидел в приемной Болдина, с волнением ожидая приема. Все знали, что Валерий Иванович Болдин был одним из самых доверенных лиц президента. Он работал помощником Генерального секретаря, затем заведующим общим отделом, а после того, как Горбачев стал президентом Советского Союза, он назначил Болдина руководителем своей администрации. Практически все документы и бумаги проходили через Валерия Ивановича. В партийных и властных структурах прекрасно были осведомлены, что самыми доверенными людьми президента являются Болдин и председатель Верховного Совета СССР Анатолий Лукьянов, с которым Горбачев был знаком еще по годам учебы в Московском университете.

Болдин разрешил Сафарову войти в кабинет ровно в два часа двадцать две минуты. Он как раз просматривал документы, которые нужно было передать в особой папке президенту страны, и, увидев Эльдара, мрачно кивнул, не вставая и тем самым показывая, что тот не должен садиться.

— Эльдар Кулиевич Сафаров, — сухо проговорил он, открывая лежавшую перед ним папку. Очевидно, это было личное дело Сафарова.

— Так точно. — Эльдар стоял вытянувшись, как офицер перед генералом.

— Вы работали в органах прокуратуры, — начал зачитывать Болдин, — и, судя по вашему личному делу, работали очень неплохо.

— Я дважды получал звания досрочно, — подтвердил Сафаров.

— Я обратил на это внимание. В Москву вы попали из Баку только в конце прошлого года и сразу успели отличиться. — Болдин наконец поднял голову и посмотрел на Эльдара: — Это вы разрешали вопрос с руководством московской милиции?

— Я считал, что все должны выполнять указы президента страны, — твердо ответил Сафаров.

— Правильно считали. Здесь отмечено, что вы были еще в Литве и в Осетии. За полгода столько успеть совсем неплохо. — Болдин не любил хвалить сотрудников, считая, что это их расслабляет. Он вообще был типичным аппаратчиком, хотя начинал как журналист в газете «Правда». Но об этом он сам уже давно забыл.

— Меня отправляли в командировки, — пояснил Сафаров, — видимо, это было нужно в интересах дела.

Болдин с некоторым интересом посмотрел на стоявшего перед ним молодого инструктора.

— С квартирой у вас все в порядке? Я слышал, что в управлении делами ваш квартирный вопрос решен положительно.

— Да, у меня с этим все в порядке.

— Вы учились в Баку?

— На юридическом факультете университета.

— Вы неплохо говорите по-русски, — заметил Болдин.

— Я учился на русском языке.

— Это ничего не значит. Многие ваши земляки с Кавказа говорят с сильным акцентом.

Эльдар еле сдержался, чтобы не улыбнуться. Он хорошо знал, что превосходно владеющие русским языком представители кавказских народов все равно говорили с акцентом, если родными с детства были другие языки, более горные и отличавшиеся от русского. Но в интернациональном Баку для многих владение двумя или даже тремя языками считалось нормой, поэтому здесь было достаточно много людей, превосходно владеющих русским. В этом городе выросли Ростропович и Ландау, сформировался уникальный талант Муслима Магомаева, по праву считавшегося едва ли не лучшим певцом отечественной эстрады. Он превосходно исполнял песни как на русском языке, так и на азербайджанском.

— Нам сейчас необходимо иметь квалифицированных юристов в нашем аппарате, — продолжал Болдин. — Вы наверняка знаете, какая напряженная работа идет над проектом Союзного договора...

— Знаю, — кивнул Сафаров.

— У меня к вам только два вопроса. Как вы относитесь к армяно-азербайджанскому конфликту в вашей республике? Надеюсь, вы понимаете, что, попадая в президентскую администрацию, вы должны быть абсолютно нейтральны и не проявлять симпатий ни к одной из сторон?

— Это трагедия двух народов, — твердо заявил Эльдар, — гибнут люди с обеих сторон. Но

абсолютно нейтральным быть не смогу. Я — азербайджанец, и это невозможно изменить.

Болдин поправил очки и, криво усмехнувшись, произнес:

— Смело, достаточно смело. Теперь я понимаю, почему вы так понравились Олегу Семеновичу. — Он имел в виду Шенина. — Тогда второй вопрос. Как вы отнеслись к идеям департизации милиции и прокуратуры? Только откровенно, без ненужной демагогии.

— Сотрудники прокуратуры и милиции обязаны служить прежде всего закону, — ответил Сафаров, — но в наших условиях партия является стержнем, позволяющим контролировать работу правоохранительных органов. Я не уверен, что нужно спешить с департизацией.

На второй вопрос Эльдар ответил не совсем искренне. Он прекрасно понимал, что государственные органы не могут служить интересам одной партии, а должны считаться гарантами законности всего государства. Но даже у его смелости был определенный порог. В конце концов, нельзя быть инструктором ЦК КПСС и приветствовать департизацию органов, разговаривая с бывшим заведующим ЦК, который в настоящее время возглавляет администрацию не просто президента страны, но и человека, являющегося Генеральным секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии. Болдину его ответ явно понравился.

— Молодец, — сказал он, переходя на «ты», что в его устах, очевидно, было высшей похва-

лой, — достаточно честно и откровенно. Я думаю, что с твоим переводом у нас проблем не будет. За неделю оформим все документы и переведем тебя к нам. Я еще не спросил: а сам ты хочешь у нас работать?

— Да, — сдержанно ответил Сафаров.

— Хорошо. Можешь идти. Я лично позвоню в твой отдел.

Болдин не встал и не протянул на прощание руку. Эльдар вышел из кабинета, чувствуя, как вспотела спина от напряжения, и понимая, что сегодня удачно прошел «смотрины». Вечером он позвонил домой, родителям в Баку, и позвал к телефону отца.

— Как у тебя дела? — поинтересовался тот.

— Все отлично. Кажется, меня хотят перевести в администрацию нашего большого руководителя. — Эльдар говорил по-азербайджански и так, чтобы не называть фамилию президента страны.

— В какую администрацию? — не понял отец.

— В самую главную, — сделал ударение на последнем слове Эльдар.

— К самому? — понял наконец отец.

— Да, в его аппарат.

— Ты хорошо подумай, прежде чем соглашаться, — неожиданно посоветовал отец. — Сейчас время такое плохое, и у него тоже большие проблемы. А твое нынешнее место работы очень почетное и не зависит от одного человека.

— Думаешь, стоит отказаться? — Эльдар даже немного обиделся.

— Ни в коем случае! Это очень большое выдвигание, в твои-то годы. Просто сам подумай и реши. Ты ведь у нас большая умница. А вообще, я тебя поздравляю. Мы с матерью всегда гордимся твоими успехами.

— Спасибо, — выдохнул Эльдар и, попрощавшись, положил трубку.

Ровно через неделю, то есть в следующий понедельник, его уже провожали на работу в Кремль. Журин произнес прочувствованную речь, заведующий отделом подарил ручку в изящной красной коробочке, другие сотрудники отдела искренне пожелали Сафарову успехов. Хотя многие не совсем понимали, почему этого молодого человека, так недавно прибывшего из провинции, выдвигают на такую ответственную работу — в аппарат президента. Но никто вслух подобных мыслей не высказывал.

Болдин принял его еще раз. И снова не предложил сесть. Только пояснил, что в круг обязанностей нового сотрудника администрации будет входить подготовка документов совместно с представителями Министерства юстиции и юридического отдела Кабинета министров. Эльдару выделили место в небольшой комнате, в которой сидели еще трое других сотрудников. Здесь было еще более тесно, чем в здании на Старой площади. Элина Никифоровна Дубровина считалась руководителем их небольшого отдела. Ей было уже за сорок, она успела стать кандидатом юридических наук и перешла сюда из горкома партии, где работала в последние го-

ды при Гришине и откуда перешла в отдел к Болдину до появления в Москве Ельцина. Остальные двое тоже были профессиональными юристами — Кирилл Снегирев и Александр Гаврилович Тулупов. Первому было около сорока, второму — почти пятьдесят. Они проверяли все документы и указы на предмет их юридической правосубъектности. Получалось, что Эльдар Сафаров был не только самым молодым в их отделе, но и одним из самых молодых сотрудников в администрации президента.

Уже через день в Кремлевском дворце съездов состоялась церемония присяги первого президента России Бориса Николаевича Ельцина. Эльдар с изумлением обнаружил, что даже в их небольшом коллективе отношение к Ельцину весьма противоречиво. Если Дубровина резко критиковала нового российского лидера за популизм и авантюризм, то Снегирев, напротив, осторожно поддерживал Ельцина, хотя старался не вступать в особые споры со своим непосредственным начальником. Он тоже был кандидатом наук, его взяли в администрацию из Института философии и права АН. Снегирев заканчивал писать докторскую, что немного раздражало Дубровину, которая так и осталась кандидатом. Что касается Тулупова, то своим откровенным цинизмом он отчасти напоминал Журина. В молодости Александр Гаврилович работал адвокатом, затем нотариусом, потом перешел в управление Министерства юстиции, откуда его и взяли в администрацию президента. Он не верил в